

ШО ЗРОБЫВ ЛЕЙТЕНАНТ ВЕСНИК?

Из фронтовых воспоминаний народного артиста

Вет. клуб - 2001, - 22 мая, - с. 15

ФОТО ИГОРИ ИВАНДИКОВА

НЕМОЕ КИНО

«Семибратские кустики» — так называется место под Коломной, где во время войны формировались и готовились к отправке на фронт разного рода воинские части, в том числе и наша 1-я гвардейская артбригада резерва Главного командования. Я младший лейтенант, командир огневого взвода, в моем подчинении 17 человек, в том числе заряжающий рядовой Богаев. На очередной утренней переключке на фамилию Богаев никто не откликнулся.

Меня вызвали в штаб бригады. Командир бригады полковник Сергей Пет-

рович Гудзюк, выслушав мой доклад, говорит:

— Позор на всю бригаду! Что хочешь делай — найди!

На следующее утро Богаева тоже нет. Оформляю документы, беру с собой ординарца, едем в родной город дезертира, недалеко от Москвы. У военного комиссара узнаем адрес матери Богаева, берем лошадь, телегу. Приехали к матери. Так мол, и так, ваш сын дезертировал.

Мать в слезы:

— Боже мой, это я виновата! Мой сынок ухаживал за девчонкой, был влюблен. Потом его в армию забрали, а ее черт попутал! С местным попом стала жить. Недавно поп умер. Я сыну об этом написала. У нее он, наверное. Это я виновата. Не надо было ему писать!

До поповского дома несколько километров, добрались к шести часам утра. Дом около церкви, на околице села. Света в окнах нет. Ушел Богаев из части с автоматом, так что шутки плохи!

— Давай из автомата очередь — выше дома! — приказываю ординарцу.

Свет не зажигается.

— Еще очередь!

Зажег свет. Проходит минута, другая, затем, как в сказке: открывается дверь и появляется ОНА! Красавица-а, диво дивное, распущенные светлые волосы ниже плеч, длинная полотняная рубаха. Падающий из горницы свет контражуром вычерчивает фигуру. Удивительное, волшебное зрелище. Спрашивает:

— Что ему будет?

— Ничего не будет, — говорю довольно грубовато. — Пускай автомат отдаст, оденется и едет со мной. Даю честное офицерское слово, что ничего ему не бу-

дет. Мне бы было, если б не нашел его: сослал бы в штрафную роту. И его бы потом туда же. А сейчас пусть одевается. Автомат только сначала вынеси и патроны, которые у него есть.

— Сейчас.

Ушла. Через десять минут появляется и в руках, словно хлеб с солью, несет автомат с патронами. Спускается к нам с крыльца. Мой ординарец забирает автомат, патроны, я повторяю, что телега его ждет.

— Ладно, ждите.

Опять ушла в дом, закрыла дверь. Сидим на телеге, ждем. Погас свет. Ждали минут тридцать. Курили, не разговаривали. Наконец появился...

Дальше — как в немом фильме. Я не сказал ему ни слова. Ехали молча. Богаев сидел в конце телеги спиной к нам, свесив ноги. Приехали к матери. Мать вышла во двор, подошла к сыну да как влепит ему пощечину, заплакала, и тут же стала целовать. Никаких слов! Потом погладила его и, утирая слезы, ушла в дом. Молча доехали до военкома. Сдал я лошадь, потом на вокзал. К вечеру добрались до расположения части.

Утро следующего дня, переключка: Иванов! Я! Петров! Я! Богаев! Я!

Воевал Богаев очень хорошо. В середине 50-х годов, когда я стал появляться на экране, очевидно, был узнан Богаевым в каком-то фильме. На «Мосфильм» на мое имя пришло письмо, в котором он сообщал, что женился на девчонке, которая «вам известная», стал папой, мать свою похоронил. До сих пор чувствует себя виноватым за доставленные неприятности, но в конце оправдался: «Не махнул бы тогда домой — счастья не нашел бы!»

НИТКА СВЯЗИ

Каюсь! Был грех! Я, офицер, ударил солдата! По моему приказу он должен был взвалить на себя катушку с телефонным проводом и под обстрелом, стоя на подножке едущей автомашины, стравливать нитку до тех пор, пока машина может продвигаться по бездорожью. Затем ползком или бегом дотянуть нитку связи до окопов и, подключив ее к аппаратуре, обеспечить тем самым мою связь с командиром стрелковой части. Мы должны были помочь пехоте своими орудиями, четырьмя мощными 152-миллиметровыми пушками-гаубицами.

Времени для выполнения приказа давалось 20 минут. Они проходят — связи нет. Проходят 25 минут. Связи нет. Состояние взвинченное, кругом разрывы снарядов. Одним словом, жарко. Вскакиваю в свой виллис, еду по «нитке» и наталкиваюсь на сидящего под деревом, трясающегося от страха связиста.

— Ты что же делаешь, такой-сякой? Хочешь, чтобы меня расстреляли? Батарея не знает, куда стрелять! Почему сидишь?

— Живот заболел, схватило. Не могу идти, — отвечает. Взбешенный, выхватываю пистолет, но сдержал себя, только ударил. Потом сам дотянул провод. Все наладилось. Но замполит полка, который невзлюбил меня за умение дружить с солдатами, решил за рукоприкладство предать меня офицерскому суду. Такие суды в случае доказанности вины кончались разжалованием в рядовые и отправкой в штрафную роту. А штрафная рота — это минимум шансов остаться живым!

Что делать? Дозвониться до комбри-

га по своей связи никак не могу. Решаюсь и звоню замполиту дивизии подполковнику Якимюку. Все коротко рассказываю. Приказывает — ночью прибыть к нему вместе с замполитом полка.

— Шо вин зробыв?

— Ударил солдата. Рукоприкладство, товарищ гвардии подполковник. Недопустимо.

— Так. А шо зробыв солдат?

— Он не выполнил приказ командира. Но все-таки это рукоприкладство.

— Добрэ. Значит, лейтенант Весник ударил солдата. И вы его, значит, решили судить. Так, товарищ капитан? А шо написано в уставе по поводу невыполнения приказа командира в боевой обстановке?

— Расстрел на месте.

— Так. А шо зробыв лейтенант Весник?

— Ударил солдата...

— Давайте еще разок. Значит, шо зробыв лейтенант?

— Он ударил солдата.

— А шо вин должен был зробить по уставу? За невыполнение боевого приказа?

— Расстрелять на месте.

— Так. Давайте, значит, у третий раз: шо зробыв Весник?

— Ударил...

— А шо должен был зробить?

— Расстрелять...

— Значит, так. Вам, товарищ капитан, объявляю выговор за неправильную трактовку устава воинской службы, а гвардии лейтенанту Веснику объявляю благодарность за сохранение жизни боевой единице в лице солдата Красной Армии.